

ВАРЯ ГОНЧАРОВА

(маленькая ЛЕЙЛА),

ученица 2-го класса школы № 123

В нашей школе мы учили индийские танцы, и однажды наша учительница решила попросить нас в спектакле. Нанигуру (учитель) господин Нигам показал нам некоторые специальные движения, и у нас что-то получилось. А потом нас посмотрел Роман Григорьевич, и мы стали приходить на репетиции в театр.

Моя героиня Лейла, наверное, очень красивая, потому что её любили сразу два мальчика. Но она любила одного, Надира, потому что двух любить сразу нельзя. Каждый из мальчиков не хочет, чтобы она любила другого. Лейла — очень серьёзная девочка, и не может любить в шутку. Мне очень нравятся репетиции, нравятся все повторять много раз. Каждое движение делается медленно. Это как воспоминание. Грусть какая-то. Моей героине ведь не очень повезло в любви. Она стала жрицей и не может любить. А без любви жить грустно. И я смотрю на своего партнера, и мне тоже грустно. Жалко Лейлу и Надира жалко. И Зургу.

Режиссером быть сложно: часто артисты на другой день все забывают, и режиссеру приходится придумывать сначала. Актером быть тоже сложно. Ведь репетиции бывают и по семь и по восемь часов. Но для меня это хорошая профессия, потому что я всё равно не устаю, — нравится очень.

ВАЛЕРА ВАСМУТ

(маленький НАДИР),

ученик 2-го класса школы № 123:

Мой герой сильный, мужественный. Он умеет драться, постоять за себя, защитить любимую девушку. Мне тоже приходится драться в жизни, а не только на сцене. Помоему, это по-мужски. А ещё он добрый.

Не знаю, в чём это проявляется, но это так. Может быть в том, что он любит Лейлу. И в том, как он её любит. Он любит её с самого детства и всю жизнь — готов умереть ради неё. Репетировать очень интересно. Роман Григорьевич требует, чтобы мы делали всё медленно, красиво. Мне кажется, что именно так красиво жили в Индии. У них всё время обряды, ритуалы. Они по-особенному двигаются, и речь у них особенная.

А Артистом быть замечательно — ты всё время разный и тебе никогда не скучно!

ТАТЬЯНА ВСЕВОЛОДОВНА ГОНЧАРОВА,

бабушка Вари Гончаровой, инженер по образованию

В Хлыновском тупике, рядом с театром Маяковского есть школа № 123, в которой учатся обыкновенные дети, ставшие на полтора репетиционных месяца артистами Новой Оперы. Всё это время я приводил малышей сюда и имела возможность по несколько часов в день наблюдать, как маленькие дети постигают законы жизни и искусства. Говорят, что малыши не могут усидеть больше получаса. Ничего подобного. Репетиции длились четыре-пять часов, и они всё это время были предельно собраны. Учителя в школе отметили, насколько собранной стали они на уроках.

А сколько впечатлений! Варя приходит домой и долго ещё рассказывает о пережитом. Роман Григорьевич ведь не сюсюкает с ними, разговаривает как со взрослыми. И они учатся понимать мир глубокими чувства. Представьте, восьмилетние дети должны сыграть любовь, поцелуй. Варя вообще не любителница целоваться, а тут вдруг мальчик, одноклассник. Под давлением Романа Григорьевича они победили этот страх, и я думаю, поняли и что такое «искусство требует жертв», и что такое первый ещё очень робкий поцелуй. Они познают жизнь в её красивых формах, а, приходя домой, поют арии из опер и слушают оперную музыку. Это просто чудо! Наверное, так люди учатся любить.

АРТИСТЫ ХОРА И ОРКЕСТРА

МАРИЯ ГАРАШ, артистка хора

Наша работа с Гуруджи над индийской пластикой и танцами оказалась не просто репетициями, а погружением в необыкновенный, незнакомый мир. Гуруджи принёс нам кассеты с восточной музыкой, включил их и стал показывать пластику Индии, из которой должна была родиться пластика будущего спектакля. Мы поразились, потом пришли в восторг. А потом это захватило настолько, что мы забыли обо всем на свете, кроме этих рук, этих жестов, способных выразить слова, понятия материального и духовного миров. Каждый палец, каждое движение кисти, локтя, плеча подразумевали слова, фразы, имели скрытый, доступный только посвященным смысл. Бабочка, лотос, поцелуй — всё это имело свою жесты, своё пластическое звучание. Например, опущенная кисть с соединёнными большими и указательными пальцами и разогнутыми остальными тремя — символ целомудрия. Но если на указательный палец положить сверху средний — возникает новый символ — око, глаз. И так — до бесконечности. Гуруджи делал это легко и грациозно, и мы пытались повторять, это оказалось очень сложно. Сложно и интересно. Включились все. Возникло какое-то возвышенное состояние всеобщей доброты, все улыбались, как будто пришли на общий праздник. Эти движения дарили радость даже непосвященным. Гуруджи показывал и рассказывал об Индии, о её культуре. Этот человек прекрасно знал свою страну, её традиции и бесконечно её любил. Увы, часто мы ругаем Россию, а ведь в любви гораздо больше красоты и пользы. Но любить надо уметь. Впечатление было такое, что Гуруджи как Будда пропик в смысл бытия. Не случайно Роман Григорьевич называет его Святой. Но, конечно, столь глубокое проникновение в культуру, традиции, религию страны и в духовный смысл танца не приходит просто так. Гуруджи сказал: «Я занимаюсь этим тридцать лет». А мы... мы только прикоснулись.

Так шаг за шагом рождается спектакль — из актерских талантов и индивидуальностей, воедино спланированных талантами режиссера, из высеченной им искры Любви. Без этого счастья не может быть жизни на земле и не может быть искусства. Чувствам этим был богат Евгений Владимирович Колобов. О чувствах этом однажды замечательно сказал Роман Григорьевич-Виктор: «Путь к Любви, как к единственной заповеди природы человека, — есть самый трудный путь. Потому что это есть путь к свободе... Потому что мы приходим из свободы, и есть наша жизнь здесь есть обретение через страдания и — необходимость свободы. А в результате этого обретения возникает Радость. А эта Радость и есть Любовь...»

... Страдания, Одоление, Радость... Три пути... Четвертого я не знаю...»

ОЛЕГ КОЛПАКОВ,

концертмейстер оркестра, скрипач

Я купил диск с оперой «Искатели жемчуга» и стал его слушать. Это необыкновенно красивая музыка. А потом я стал читать о Бизе. Это ведь трагическая судьба, может быть даже более трагическая, чем у Моцарта. Бизе умер в 37 лет, обремененный при жизни почестями и славой. Даже «Кармен» и «Искатели» не были признаны при его жизни. Представляете, в 37 лет человек уже умер... нет человека.... А гениальная музыка осталась.

Как интересно работать над этой музыкой! Она перекрывает безумие, которое сейчас творится. Если есть такая музыка, если она кому-то нужна, значит не всё потеряно. И театр — он не для развлечений раздран, он душу очищать должен. И всё, что будет происходить в оркестровой яме, всё, что зависит от нас, будет направлено именно на это.